

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационной работе Щелкановой Натальи Юрьевны на тему «Антивещизм в культуре», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры (философские науки)

Анализируемая диссертационная работа написана по философии культуры. *Актуальность* выбранной для диссертационного исследования тематики, за исключением замечания автора о беспрецедентном размахе производства, думается, обусловлена в первую очередь глубоким расколом вещизма и антивещизма в России, в связи с ее межцивилизационным состоянием, а также неизбежными в этих условиях социально-экономической и политической обстановкой и деградацией образования.

В основе антивещизма автор обнаруживает «страх потерять себя, растворившись в вещной среде, утратить духовное богатство и многообразие проявлений личных сил - культурную природу человека» (С.3 автореферата).

Объектом исследования является материальная вещь в контексте отношений с человеком. Предметом исследования выступает явление антивещизма в культуре. (С.9 диссертации).

Проблема исследования состоит в изучении причин возникновения явления антивещизма в культуре и может быть выражена вопросом о том, каким образом и почему культура борется со своим основанием - вещью. (С.9 диссертации).

Цель исследования. Целью данного исследования является выяснение сущностных характеристик антивещизма и форм его проявления в бытии культуры. Цель развернута в систему задач.

В качестве *теоретико-методологических оснований исследования* автор обращается в основном к диалектическому методу.

Положения, выносимые на защиту представляются достаточно обоснованными.

1. Вещь как одно из оснований культуры способна породить вещизм, а

момент появления понятия «вещизм» становится моментом формирования собственно антивещизма. Являясь комплексом негативных человеческих переживаний или мыслей по поводу вещи, на которую он проецируется, антивещизм может существовать только внутри культуры.

2. Вещь как фрагмент материальной реальности, инициирующий появление вещизма, противопоставляется в обыденном сознании ценностям счастья, здоровья, мудрости, творческого акта, свободы, веры, человечности, интересов общественного целого, природы, труда.

3. Девальвация вещи как материального предмета по отношению к идеальным конструктам, а также сомнения в реальности ее существования становится основой антивещизма (С.9-10 автореферата, с. 11 диссертации).

Думается, что наибольший интерес представляет первая глава.

В главе первой. Ценность и опасность вещи исследуется собственно вещь. Автор предлагает считать вещью отдельный фрагмент объективной реальности, обладающий определенными свойствами, привлекательными для субъекта, и богатым культурным смыслом. Это позволит рассматривать ее в разных контекстах, где она будет становиться синонимичной понятиям товара, собственности, богатства, как обладающая высокой степенью текстуальности. (18-19 диссертации).

Он считает, что модальность привлекательности вещи оказывается существенной как для выделения предмета из природной среды и превращения его в вещь, так и для процесса познания и формирования, собственно, вещизма. (С. 28 диссертации). При этом, ослабление утилитарности и одновременно тенденция к превращению вещи в символ в современном мире являются примером антивещизма (С. 29 диссертации).

Представляется правомерной попытка анализа этой концепции в контексте современной России для определения ее эвристического потенциала. Думается, очевидно, что прямое заимствование и перенос в Россию концепции, разработанной для условий Запада, в плане социального строительства бесперспективно, однако обсуждение таких идей в России может спровоцировать разработку их отечественных аналогов.

В первом параграфе первой главы «От вещи к самосознанию и культуре» указывается, что вещь ограничена рамками культуры: в ней она появляется, существует и осмысливается. ... Для традиционной культуры характерны утилитарная, эстетическая, ритуальная, социально-историческая и культуротворческая функции, а в современной - все большее значение приобретают знаково-символическая и текстопорождающая. Представленные функции вещи не являются исчерпывающими, а демонстрируют переход от более функциональных форм ко все менее материально-обусловленным и трансформацию культуры от традиционной к современной постмодернистской. Ослабление утилитарности и тенденция к превращению вещи в символ в современном мире являются примером антивещизма (С. 29 диссертации).

Во втором параграфе первой главы «Антивещизм: становление и сущность» дается определение антивещизма как комплекса негативной коннотации, представленной на фоне вещи.

Автор пишет, что с появлением вещи возникает и неоднозначное отношение к ней. Выделившаяся из природной среды, она кажется искусственной и неоригинальной. Включая в себя два начала, идеальное и материальное, замысел и воплощение, она вызывает к себе двойственное отношение. Являясь одним из базисов культуры, одной из предпосылок ее созидания, вещь начинает восприниматься и как враждебное культуре начало.

Автором описывается негативный контекст для оценки вещизма «Культура как творческое живое начало противопоставляется вещи как механистическому, омашинающему началу. Вещизм в этом случае выступает свидетельством упадка культуры» (С. 33 диссертации). И далее; «Вот целая плеяда обвинений, выдвинутых личности, имеющей вещистскую страсть: корысть, скаредность, алчность, ненависть, скупость, жадность, наглость, эгоизм, подлость, скряжничество, карьеризм, равнодушие, рвачество, тщеславие, гордыня, внутреннее опустошение» (С. 35 диссертации).

Автор верно указывает, что «антивещизм подразумевает критику отношений человека с вещью, которые зачастую можно назвать вещистскими. ... Антивещистские призывы аксиологического характера ориентированы на про-

буждение желания разрушить привычную вещную обстановку с помощью различных практик, чтобы очиститься и возвратиться к наготе и неподдельности» (С. 37 диссертации).

Он продолжает: «В современном потребительском обществе уже невозможно провести четкую грань между вещами, способными и неспособными инициировать вещистские наклонности, причиной чего становится возросший уровень символичности и текстуальности вещей. Предметы роскоши все еще ценятся высоко, однако, исключительными предметами могут быть объявлены любые вещи, отвечающие каким-либо заданным свойствам» (С. 41 диссертации).

В качестве выводов по параграфу автор пишет: «Обвинения, адресованные вещи, формируются лишь в поле ее взаимодействия с субъектом, где фиксируется ориентация на материальные ценности и чрезмерная привязанность к вещи, что мы называем вещизмом» (С.44 диссертации).

Автор приводит собственную, не претендующую на оригинальность типологию сущности вещи, в основе которой лежат важнейшие философские категории: ценность, бытие и познание. Суть *аксиологического типа* - это статус вещи, ее исключительность. *Онтологический тип*, опирается на противопоставление телесного начала вещи идеальному, а для *гносеологического типа* важны особенности субъекта, исследующего вещь (С.13 автореферата).

По аналогии с сущностью вещи, им выделяются три типа антивещизма: аксиологический, который апеллирует к общечеловеческим ценностям, утраченным личностью, ориентированной на вещизм (С. 44 диссертации); онтологический, который «подразумевает теоретическое осмысление места вещи в структуре мироздания, где она может признаваться не обладающей достаточной степенью присутствия бытия, менее совершенной по сравнению с какими-либо идеальными конструкциями, либо не существующей вовсе», и гносеологический, представляющий собою «ограниченную возможность познаваемости вещи, либо ее полную непознаваемость, а также ненужность этого процесса» (45 диссертации).

Во второй главе «Антивещизм в культурной традиции» автор подробно описывает точки зрения на это явление, возникавшие в истории философии, в социальных и литературных утопиях, в религии и отчасти в реальном социализме. И делает вывод о том, что «антивещизм – это ... культурное явление, по сути несущее обращение к человеку, но формально апеллирующее к вещи. В любом из его типов антивещизм – это механизм самокритики и самопознания человечества (а не познания объектов). Это функция культуры в отношении человека, поэтому антивещизм и действует лишь внутри нее» (59 диссертации).

В главе третьей «Парадокс антивещизма в современной культуре потребления» вместо заявленного анализа современной культуры уже давно идущего 21 века, автор анализирует культуру 19-20 века, ссылаясь на его мыслителей. Но делает правомерный вывод о том, что «Возникает парадоксальная ситуация, где вещизм прячется под маской непривязанности к вещам. Все это порождает в современном мире ситуацию, которую хочется назвать антивещистской, ведь формально его требования соблюдены: привыкания к вещи нет, а желание обладания отходит на второй план. Человеку уже не обязательно владеть вещью, он ею лишь пользуется, не стремясь оставить ее у себя на долгое время, а меняет сразу, как только появляется вещь новее прежней». Однако «иллюзия антивещизма объясняется сменой накопительской парадигмы на потребительскую с ее кажущейся свободой от вещей». (С. 122).

И далее утверждает: «Сегодня взаимоотношения человека с вещью характеризуются все возрастающим интересом к потреблению символов и знаков, своеобразной виртуализацией вещи, что отмечают многие исследователи современной культуры. Та заинтересованность в вещи, которая была известна на протяжении многих веков человеческой истории, теперь модифицируется в интерес к символу вещи. Если вещь прошлого демонстрировала статус, сословную принадлежность или что-либо еще в этом роде, то сегодня эта функция не закреплена в вещи: смысл может быть любым, в том числе и негативным, возможно и отсутствие смысла. Вещь превращается в текст, который, по законам постмодернизма, не обязан воспитывать, обращаться к идеалам, содержать ка-

кую-то внятную идею вообще. Суть знака и символа, передаваемого вещью, может быть понятна только автору замысла, или некоей связанной с ним группе: вещь как текст представляет интерес в свете процесса игры, включающей фрагменты текстов других культур или субкультур» (123).

В целом, надо сказать, что, судя по текстам диссертации, автореферата и публикаций, автор разобрался в соотношении вещизма и антивещизма, его позиция не вызывает особого сопротивления. Возможно, что он даже излишне демонстрирует свою осведомленность, приводя слишком большое количество цитат, стараясь каждое свое слово подкрепить ссылками и несколько пренебрегая логикой. Это ведет к тому, что собственные выводы автора, растворены в анализируемом им материале, а там, где они подчеркиваются, они выглядят, на мой взгляд, слегка декларативно. Однако сказанное не должно обращаться в упрек автору, это – особенность стиля не только анализируемой диссертации, но и многих отечественных философских работ.

Тем не менее, следует заметить:

1. Как стыкуется утверждение автора о том, что вещь воспринимает как враждебное культуре начало. (С. 29) с его же утверждением, что существование вещи ограничено рамками культуры: в ней она появляется, существует и осмысливается и с авторской типологией функций вещей, особенно с культуротворческой функцией? (С. 21-23). Особенно его замечание, что вещизм ... выступает свидетельством упадка культуры» (С. 33). Думается, что автором не достаточно прописан механизм превращения вещизма в антивещизм.

2. Не вполне ясно, что автор понимает под «потреблением символов» и «виртуализацией вещи». Не понятно, как можно ездить на символе автомашины и каким образом вещь (например, дом) превращается в текст.

3. Автор утверждает, что вещь – богатый культурным смыслом фрагмент объективной реальности. Не утрачивает ли он, при своем превращении в текст, статус объективной реальности, то есть, не перестает ли он быть вещью? А если все-таки виртуальная вещь остается вещью, то не следует ли пересмотреть ее базовое определение?

4. Не является ли крайне негативный контекст вещизма, прописанный во втором параграфе первой главы признаком дегуманизации самого человека, а не окружающих его вещей?

5. И последнее, скорее уже не замечание, а вопрос автору. При буржуазном строе дегуманизация человека проявляется в вещизме, а при социалистическом – в институализации, в его неизбежной включенности в общественные и государственные институты. Значит ли это, что дегуманизация человека – доминирующий тренд в развитии человечества, практически, необходимость?

Полагаю, что мои замечания не затрагивают сути диссертации. Как видно по тексту, диссертант проделал достаточно большую работу. Автореферат и научные публикации соответствуют тексту диссертации. Диссертация соответствует требованиям Раздела II, Пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 г. (в редакции от 02.08.2016 г.). Ее автор Щелканова Наталья Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры (философские науки).

Доктор философских наук,
профессор Тюменского
государственного университета
12.04.2017

А.В.Павлов

Адрес:
625003, г. Тюмень,
Ул. Семакова, 10,
ТюмГУ, ИФиЖ,
телефон, 45-50-56
e-mail: av-pavlov@mail.ru

Павлов Александр Валентинович
Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Тюменский государственный университет»